

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Борисъ Зайцевъ. Анна. Издательство «Современныя Записки».

Объ «Аннѣ» Зайцева писали уже много. Критика единодушно отмѣчала и трудно передаваемое очарованіе этой повѣсти и нѣкій, намѣтившійся въ ней новый поворотъ творческаго пути Бориса Зайцева. Мнѣ хотѣлось-бы прежде всего присоединиться и къ тому, и къ другому мнѣнію.

Новое въ «Аннѣ» по сравненію съ прежними вещами Зайцева — ея бóльшая плотность, бóльшій удѣльный вѣсъ ея образовъ и словъ.

Въ типично зайцевскихъ вещахъ очень многое рѣло и сравнительно меньшее осѣдало. Въ «Аннѣ» чувствуется крѣпкій настой сгущенныхъ осадковъ. Если вѣрно слово Гёте «Jedes Dichten ist ein Verdichten» (творчество — всегда уплотненіе), то въ моемъ опредѣленіи новаго поворота зайцевскаго искусства заключается уже и положительная оцѣнка его.

Уплотненіе въ искусствѣ — то же самое, что обобщеніе въ наукѣ. Чѣмъ шире обобщеніе, тѣмъ глубже познаніе. Чѣмъ вѣсомѣе, чѣмъ плотнѣе, чѣмъ конкретнѣе образъ, тѣмъ глубже таящееся въ немъ постиженіе жизни. Образы «Анны» потому и плотны, что почти въ каждомъ изъ нихъ чувствуется даль знаменуемой ими жизни. Это значить: образы «Анны» потому и конкретны, что они въ послѣднемъ счетѣ сверхъ-натуралистичны, символичны.

Я живо чувствую трудно сказуемую тайну композиціоннаго единства «Анны»: Думаю, что въ тайнѣ этого единства коренится главное, очень большое очарованіе зайцевской повѣсти. И все же я отчетливо вижу сказуемый смыслъ зайцевской композиціи, социальнаго историческаго костякъ его символическаго замысла. Подчеркиваю: костякъ этотъ виденъ лишь мнѣ, какъ критику; мнѣ же, какъ читателю, онъ совсѣмъ не виденъ. Будь онъ виденъ мнѣ, читателю, повѣсть Зайцева не была бы тѣмъ подлинно художественнымъ произведеніемъ, которое она есть. То же, что онъ виденъ критику — правды зайцевскаго искусства не убиваетъ, наоборотъ, углубляетъ ее тою правдою художественнаго познанія жизни, которымъ всякое нужное искусство отличается отъ празднаго, виртуознаго изобразительства.

Дѣйствующихъ лицъ въ «Аннѣ» немного. Латышь Матвѣй Мартыновичъ Гейлисъ, фермеръ-свиноводъ съ женой и наслѣдникомъ; милые обитатели какого-то искони поэтически разрушеннаго дворянскаго гнѣзда Немѣшаевы и ихъ сосѣдъ Аркадій Ивановичъ; дальняя родственница Гейлисовъ страстная, своенравная Аниа (русская, не латышка); «честная докторша», ясная, ровная женщина, отъ которой

пахнет гуманизмом и йодоформомъ (почему-то у нея на страницъ 69-ой каріе, а на страницъ 72-ой голубые глаза) и новые люди, дѣтели революціи — воръ Трушка и театраль Похлебкинъ. Дѣйствіе повѣсти не сложно. Анна влюбляется въ безпечнаго прожигателя жизни Аркадія; Аркадій умираетъ отъ нефрита; Анна убиваетъ Трушку, прѣхавшаго грабить Гейлиса; его сподручники убиваютъ ее. Немѣшаемы пока что переѣзжаютъ въ Москву, а Гейлисъ навсегда въ Латвію.

Таковъ первый сюжетный планъ повѣсти. Въ немъ ясно уплотняется второй, историческій. Я не знаю, какъ попалъ Матвѣй Мартыновичъ въ повѣсть Зайцева. Быть можетъ, въ мѣстахъ, гдѣ Зайцевъ претерпѣвалъ революцію и проживалъ нѣкій господинъ Гейлисъ. Но это безразлично. Важно то, что въ Гейлисъ Зайцевъ изобразилъ ту европейски-буржуазную стихію труда, порядочности, законности, честности и почти тупой воли къ жизни, которая является прямою противоположностью началу бунта и революціи. То, что для изображенія этой стихіи Зайцеву пришлось вывести латыша, тоже не случайность. Латышъ Гейлисъ понадобился Зайцеву совершенно въ томъ же планѣ и смыслѣ, въ которыхъ Тургеневу въ свое время понадобился болгаринъ Инсаровъ, а Гончарову нѣмецъ Штольцъ. Въ томъ, что Матвѣй Мартыновичъ не могъ быть русскимъ коренителемъ одна изъ наиболѣе глубокихъ причинъ большевицкаго развала русской революціи. И, дѣйствительно, кромѣ латыша Гейлиса всѣ персонажи «Анны» за исключеніемъ развѣ только Маріи Михайловны, психологически перекликающейся съ Гейлисомъ (Гейлисъ тоже гуманистъ, быть можетъ, даже болѣе характерный, чѣмъ докторша, только отъ его гуманизма пахнетъ не йодоформомъ, а свинками) — опредѣленные революціонеры, ибо всѣ они разрушители. Разрушители — безпечные, праздные, мидые и никчемные Немѣшаевы; разрушитель и Аркадій Ивановичъ, которымъ за всю жизнь ничего не сдѣлано, но столько «зря надѣлано, зря натрепано», разрушительница и Анна. Хотя она и врывается въ жизнь Аркадія «обликомъ силы и молодости, свѣжести и страстной жизни», все же она съ ея «сумасшедшими» глазами, съ «бѣшенствомъ» въ счастьѣ, съ ея смертоносною ревностью гораздо больше похожа на революцію и ея работница «утренняго пѣтеля» Трушку, чѣмъ на Матвѣя Мартыновича Гейлиса. На ея красныя, рабочія руки, на ея умѣніе все быстро привести въ порядокъ, вымыть и вычистить, какъ то нельзя до конца положиться; ужъ очень непохожи ея руки на ея глаза.

Въ этомъ явномъ, но отнюдь не подчеркнутомъ сходствѣ развѣтывающейся революціи и разгорающейся Анниной любви таится какой-то очень сложный смыслъ въ композиціонномъ отношеніи весьма своеобразной повѣсти Зайцева. Очень сильно, тонко и иррационально написана Зайцевымъ та свѣжняя ночь, въ которую Марта Гейлисъ вмѣстѣ съ Анной рѣжутъ свиней, чтобы спасти ихъ отъ реквизиціи. Иступленіе Марты понятно, она спасаетъ свое добро, свое богатство, но Аннѣ все это глубоко безразлично, она всю ночь колеть свиней, таскаетъ туши, замыкаетъ кровь отнюдь не для спасенія хозяйства, а потому что у нея въ душѣ крутитъ темный смерчъ:

тоска по Аркадію, бунтъ противъ срыва счастья, боль украденной судьбою жизни. Психологически она работает не противъ революціи, какъ Марга, а заодно съ революціей. Съ восторгомъ и ненавистью крушитъ она налаженную жизнь благополучныхъ буржуевъ Гейлисовъ. Повернись ея жизнь иначе и она, какъ знать, зарѣзала бы, пожалуй, и Гейлиса. Эта «медвѣжатица» (такъ она иногда называется) тоже вѣдь поросенокъ.

Написаны отдѣльные образы «Анны» не съ одинаковымъ совершенствомъ и какъ то по разному. Лучше всего даны Марія Михайловна и, въ особенности, Гейлисъ. Въ немъ все: выговоръ, бобрикъ, дѣльность, честность, работоспособность, самодовольство, оптимизмъ. — увидѣны съ большою зоркостью и написаны съ убѣдительною точностью. Причемъ ничто не подчеркнуто, ничто не упрощено. Въ отношеніи Гейлисы къ Аннѣ и женѣ есть даже очень интересная сложность, а въ его заботахъ о Немѣшаевыхъ — даже рыцарство.

Аркадій Ивановичъ взятъ далеко не такъ ново и первично. Минутами кажется, что Зайцевымъ зарисована не жизнь, а сцена, что мы Аркадія Ивановича уже видѣли не то въ исполненіи Садовскаго, не то — Станиславскаго. Онъ очень четокъ, но это четкость силуэта, въ которой нѣту глубины скульптуры.

Сама Анна дана и не такъ, какъ Аркадій Ивановичъ, и не такъ, какъ Гейлисъ. Она отнюдь не силуэтъ, но она и не самодовлѣющая индивидуальность. Написана она и крѣпко и точно; и все же она настолько очевидно принадлежитъ къ тѣмъ демоническимъ женщинамъ русской литературы, крестницамъ Достоевскаго, что какъ то не чувствуешь ея существующей столь же непосредственно и первично, какъ Гейлисъ и Марія Михайловна. Латышь и докторша абсолютно скульптурны, Аркадій Ивановичъ только живописенъ, а Анна немного литературна. Въ этой многоступенности изображенія есть нѣчто нарушающее, какъ мнѣ кажется, эстетическую цѣльность повѣсти Зайцева.

Въ заключеніе хочется сказать нѣсколько словъ о Зайцевѣ-пейзажистѣ. Конечно, онъ принадлежитъ къ школѣ русскихъ реалистовъ, но въ отличіе отъ многихъ — онъ не натуралистъ, не передвижникъ. Природа у него совсѣмъ особая, своя. То, что онъ говоритъ о русскомъ яблоневомъ садѣ распространено на всю русскую природу въ его изображеніи. Вся Россія для Зайцева «нѣкій скромный рай». Его ландшафтъ всегда стилизованъ и чрезъ стилизацію одухотворенъ. Метель у него, не просто метель — а «бѣлое дѣйство». И жеребенкомъ строить у него на холмѣ осенью не просто жеребенкомъ — а «призракомъ». «Оріонъ» и «Сиріусъ» неизмѣнно сияютъ въ его художественномъ міру надъ вышею русскою землею — удостаиваютъ ее и украшаютъ. (И все это не патетично, а просто, естественно). Когда же колесо телѣги и взоръ художника окончательно увязнутъ въ непролазную русскую грязь, Зайцевъ вдругъ съ такою любовью, съ такимъ подлиннымъ «лирическимъ волненіемъ» воскликнетъ: — «что же подѣлаешь, это родина, это Россія», что невольно отъ всей души, изъ глубины своей благодарной памяти о Россіи согласишься съ нимъ и умилишься... грязью.

Федоръ Степунъ.